

19. Хижий М. Л. Православие и идеология правого радикализма в начале XX столетия в России : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. СПб., 2006.
20. Смиранный Стефан, Епископ Могилевский и Мстиславский пастырям Могилевской церкви // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 21. С. 589–592.
21. Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Стефана, епископа Могилевского и Мстиславского, от 27 октября 1905 г. № 819 // Могилевские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1905. № 21. С. 255–256.
22. Союз русских людей при Могилевском Божоявленском Братстве // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 22. С. 643–648.
23. Нац. ист. арх. Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8407.

Поступила в редакцию 24.03.2015.

Николай Николаевич Гончаров – аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ М. С. Корзун.

УДК 94(470)(075)

С. Н. ТЕМУШЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИОГРАФИИ СССР 1920–30-х гг.

Рассматривается постепенное проникновение марксистской парадигмы в труды советских историков 1920–30-х гг. на примере осмысления проблемы генезиса Древнерусского государства. В центре внимания автора находятся взгляды двух ведущих историков рассматриваемого периода – М. Н. Покровского и Б. Д. Грекова. Критика взглядов М. Н. Покровского на ключевые проблемы истории России в итоге привела к оформлению так называемой «вульгарно-социологизаторской» марксистской парадигмы. Обстоятельно рассматриваются отдельные положения марксистской теории, которые были восприняты советскими историками и непосредственно повлияли на понимание восточнославянского политогенеза. Важно обнаруживаемое изменение приоритетов в использовании методологического наследия классиков марксизма-ленинизма советскими историками на протяжении межвоенного периода. Применение марксистской теории к восточнославянскому материалу привело к значительным переменам в оценке роли внутри- и внешнеполитических факторов образования Древнерусского государства, разрыву с устоявшейся историографической традицией.

Ключевые слова: политогенез; Древнерусское государство; восточные славяне; историография; марксистская парадигма; историческая концепция; норманизм; антинорманизм; скандинавский фактор; классовая борьба.

The article discusses the gradual penetration of the Marxist paradigm in the works of Soviet historians of 1920–30s as an example the problem of understanding the genesis of the Ancient Russian State. The focus of the article are the views of two leading historians of the period under consideration – M. N. Pokrovsky and B. D. Grekov. Critique of views M. N. Pokrovsky on the key issues of the history of Russia eventually led to the design of the so-called «vulgar sotsiologizatorskoy» Marxist paradigm. Detail considered certain provisions of the Marxist theory, which had been adopted by Soviet historians and directly influenced the understanding of Eastern Slavic politogenesis. It is important to detection of a change of priorities in the use of methodological heritage of the classics of Marxism-Leninism for the Soviet historians during the interwar period. The application of Marxist theory to the East Slavic materials has led to significant changes in the assessment of the role of internal and external factors that led to the formation of the ancient Russian state, to a break with the established historiographical tradition.

Key words: politogenesis; Ancient Russian State; Eastern Slavs; historiography; the Marxist paradigm; historical concept; normanism; antinormanism; Scandinavian factor; class struggle.

В силу происшедших в России в октябре 1917 г. перемен историческая наука оказалась в очень сложном положении: установка на построение принципиально нового общественного строя и отказ от наследия прошлого («культурного балласта») нарушили преемственность с прежними научными школами, а новые исследования ограничивались и идеологически, и тематически. Безусловное господство получила марксистская концепция общественного развития, отдававшая приоритет рассмотрению социально-экономической истории и примеров классовой борьбы. Любые изменения, происходившие в обществе, включая изменения в культуре, языке, объяснялись перестройкой хозяйства (экономический детерминизм). В рамках марксистской концепции одним из основных компонентов является идея о смене общественно-экономических формаций, основанных на определенном способе производства (стадиализм, или теория стадильности) [1, 36]. Экономические отношения принадлежат базису, тогда как государство и право – надстройке, следовательно, последние всецело зависят от экономической структуры общества, полностью ею определяются, хотя и обладают определенной самостоятельностью. Государство же возникает в силу ряда социально-экономических причин: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта и частной собственности, а затем классовой дифференциации общества. Именно эти изменения взрывают родовой строй [2, с. 77]. Двумя основными отличительными чертами государства – «продукта общества на известной ступени развития» (по Энгельсу) – являются «разделение подданных государства по *территориальным делениям*» и «учреждение *публичной власти*» [3, 362]. «Эта особая публичная власть, – писал ученый, – необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы» [3, с. 362–363]. Подавлять недовольство угнетенного, эксплуатируемого класса государство и призвано [3, с. 364]. Эти тезисы были положены в основу понимания советскими историками восточнославянского политогенеза.

Грандиозные перемены, происходившие в советском обществе, направленные на масштабные преобразования в экономике, не могли не коснуться и духовной сферы. Государство, находившееся под полным контролем партии, поставило задачу обеспечить контроль над сферой науки, от которой требовали не только лояльности, но и обеспечения конкретного вклада в общее дело созидания новой общественно-экономической формации. В этом отношении гуманитарные науки, прежде всего история, должны были доказать справедливость теоретических выводов основоположников марксизма о неизбежности и закономерности происходящих перемен. Особое значение имело раскрытие классовой сущности государства на разных этапах его существования. Никаких сомнений в правильности выбранного пути быть не могло, и постепенно государство перешло к политике уничтожения «враждебных элементов» и «случайных попутчиков». Результатом чистки кадрового состава научных работников явилось значительное падение исследовательского потенциала советской исторической науки. При этом новые люди, приходившие в науку, зачастую обладали значительно худшей профессиональной подготовкой и низким уровнем общей культуры и образованности по сравнению с дореволюционными историками и археологами.

Несмотря на кажущуюся консервативность марксистской теории, ее интерпретация претерпела определенные изменения, особенно в приложении к конкретно-историческому материалу. Для начального этапа становления марксистского понимания исторического процесса была характерна довольно грубая подгонка исторического материала под заданную схему. Этот этап развития советской исторической науки обычно связывается с так называемой школой М. Н. Покровского, после критики которой формируется иной вариант марксистской парадигмы, именуемой «вульгарно-социологизаторской». Наконец, в 1950-е гг. последний вариант был модифицирован в рамках ортодоксальной истматовской парадигмы.

В период 1920–30-х гг. в развитии советской исторической науки сложилась особая ситуация: марксистская парадигма еще не была оформлена в догмат, принцип интернационализма не позволял уклоняться в сторону прошовинистических теорий и в итоге жесткий государственный пресс еще не так сильно давил на историков. Это был переходный период, на протяжении которого происходило становление принятой большевистским руководством версии марксизма. Не вполне определились партийные идеологи и в том, какие из идей ученых старой школы принимать, а какие подвергнуть жесткой критике. Так, в это время довольно прочные позиции занимал норманизм и, хотя не должно было быть сомнений в объективном, эволюционном становлении восточнославянской государственности, не отрицались скандинавское происхождение правящей династии и значительное влияние скандинавского фактора. Предполагается, что отчасти это было обусловлено тогдашней внешнеполитической ориентацией советского государства на веймарскую Германию [4, с. 55].

Наиболее яркой фигурой среди историков-марксистов рассматриваемого периода был М. Н. Покровский. Его обращение к теоретическим основам марксизма заключалось главным образом в более пристальном внимании к социально-экономической проблематике. Между тем в построениях ученого нашли отражение многие идеи, высказанные дореволюционными историками; их пестрое и противоречивое сочетание с марксистскими положениями приводило к очевидной несостоятельности и противоречивости выводов. Рассматривая проблему образования восточнославянского государства, М. Н. Покровский должен был исходить из тезиса-аксиомы о формировании антагонистических классов, но поскольку он не находил таковых в истории начального периода Древней Руси, то и не обнаруживал в киевскую эпоху наличия государственной организации: «...говорить о едином “русском государстве” в киевскую эпоху можно только по явному недоразумению» [5, с. 138–139]. Именно неразвитостью общественных отношений М. Н. Покровский объяснял свое отрицание наличия государства даже до XVI в. В Древней Руси, по мнению историка, не было двух отличительных признаков государства – единства территории и единства верховной власти [6, с. 222].

Тем не менее историк уделял много внимания вопросам политического развития восточных славян, в оценке уровня которого часто переходил на традиционное представление о древнерусской государственности. В итоге он «довольно подробно изображает государственный строй того общества, государственное бытие которого сам же отрицает» [7, с. 87]. Так, Киевскую Русь он называл «некоторым целым», «военно-торговой ассоциацией», «своеобразной формой военно-торговой республики», Русь во времена князя Олега характеризовал как временное соединение в руках одного лица власти над многими политическими единицами [5, с. 82].

Стремясь отойти от родовой теории С. М. Соловьёва, советский историк предлагал видеть в основе общественных отношений восточных славян «печища» и «дворища» – «уцелевшие на великорусском севере и в западнорусском Полесье осколки первобытной коммунистической общины» [5, с. 83–84]. Но к началу исторической жизни славяне уже образовали большие патриархальные семьи, в которых кровно-родственные связи были нарушены пришлыми людьми, принимавшимися по экономическим соображениям, «хозяйственная организация семьи необходимо предполагала военную организацию для охраны продуктов хозяйства» [5, с. 21]. Глава семьи («отец») обладал

неограниченной властью над своими домохозяевами, что позволило назвать его самодержцем в широчайшем значении этого слова. Так непосредственно из отцовской власти развился древнейший тип государственной власти. По мере того как семья разрасталась естественным путем, образовывались племена, глава семейства превращался в племенного князя [5, с. 21–23]. Но настоящими князьями Руси были не потомки местных патриархальных владык, а люди пришлые. Никаких сомнений по поводу скандинавского происхождения династии Рюриковичей у М. Н. Покровского не возникает. Для объяснения того, как варяги-шведы оказались во главе восточных славян, ученый предлагает придерживаться летописного текста, хотя делает это весьма произвольно. Не чувствуя себя достаточно сильными, чтобы «отделаться» от варягов навсегда, славяне на севере Руси, по его мнению, решили «принять к себе на известных условиях одного из варяжских конунгов с его шайкой, с тем, чтобы он оборонял славян от прочих норманнских шаек». Но все же то, что произошло, «нельзя характеризовать иначе, как завоеванием, в его более мягкой форме, когда побежденное племя не истреблялось, а превращалось в “подданных”» [5, с. 24].

В другой своей работе, оценивая общую политическую ситуацию в Восточной Европе, М. Н. Покровский утверждал, что основателями первых больших государств на этой территории были не славяне, а пришлые народы: на юге – хазары, а на севере – варяги, пришедшие из Швеции. Варяги сумели победить хазар и «стали хозяевами на всем протяжении Европейской России» [8, с. 20]. Сюда варяги (называемые «русь») пришли с родом своим, что понимается как переселение целого небольшого племени, отсюда выводится и происхождение хоронима «Русь». Тем самым М. Н. Покровский вернулся к буквальному пониманию летописного сообщения, которое было характерно для начального этапа становления российской исторической науки. Между тем ученый принимает мнение Соловьёва – Ключевского о непринципиальности вопроса об этническом происхождении правителей: «...вовсе никакого значения не имело <...> что первые новгородские и киевские князья <...> были шведы по происхождению (что несомненно)» [8, с. 20–21]. В связи с этим неправомерно относить М. Н. Покровского к норманистам, как это делает Л. С. Клейн: «М. Н. Покровский, возглавлявший тогда историков-большевиков, увидел в “норманской теории” одно из удобных средств борьбы против великодержавного шовинизма и также встал на позиции норманизма – в этом духе выдержан его учебник русской истории» [9, с. 34]. Тем более что в понимании М. Н. Покровского варяги не могли привнести на Русь государственность, которой он попросту не обнаруживал в домонгольский период.

Основным занятием пришлых князей была работорговля, отсюда – «непрерывные войны между этими князьями, войны, целью которых было “ополониться челядью”, т. е. захватить много рабов». Эти предводители шаек работорговцев на протяжении X в. ничем не управляли и только с XI в. стали немного заботиться о порядке [8, с. 21]. Князья закрепились в городах, которые также представляются историком как совокупность печищ или огнищ, которые вели коллективное хозяйство, но занимались не земледелием и промыслами, а торговлей и разбоем. Разбойничья торговля, на которой зиждилось благополучие русского города, относилась к периоду VIII–X вв., после чего город приобретает черты демократической республики. Но и позднейшую Киевскую Русь М. Н. Покровский характеризует как Русь городскую, паразитическую, которая постепенно «перегнивает» в Русь деревенскую. Этот своеобразный городской строй сохраняется до татарского погрома. В целом же период городской волости заменяет у историка период Древнерусского государства [7, с. 75].

Таким образом, концепцию М. Н. Покровского следует рассматривать как первую неудачную попытку приложения упрощенной марксистской теории к материалу русской истории. Грубые упрощения, неоднократно встречающиеся противоречия и очевидная искусственность ряда построений делали концепцию историка крайне уязвимой для критики. Убежденность М. Н. Покровского (впрочем, часто им же нарушаемая) в позднем формировании классового общества и, соответственно, государства у восточных славян шла вразрез и с традиционными взглядами дореволюционных историков, и с отдельными положениями марксистской теории.

Взгляды М. Н. Покровского некоторое время оказывали значительное влияние на советскую историческую науку, но в 1930-е гг. подверглись резкой уничтожающей, впрочем во многом заслуженной критике. Для развенчания школы М. Н. Покровского были мобилизованы лучшие научные кадры – Б. Д. Греков, С. В. Юшков, А. Н. Насонов, С. В. Бахрушин, К. В. Базилиевич, В. И. Пичета и др. Их усилиями к концу 1930-х гг. были подготовлены объемные сборники статей, каждая из которых посвящалась осмыслению отдельных наиболее существенных проблем русской истории [10, 11]. Истории Киевской Руси и проблеме происхождения феодализма у восточных славян в понимании М. Н. Покровского посвятил статью академик Б. Д. Греков.

Критика взглядов М. Н. Покровского на политогенез и социально-экономическое развитие восточных славян велась главным образом путем проверки на соответствие отдельным положениям марксистской теории и высказываниям «основоположников». Так, ключевым для понимания сущности Древнерусского государства являлось размышление К. Маркса о русской истории в его незавершенной работе «Тайная дипломатическая история XVIII столетия» (в первоначальном варианте –

«Разоблачения тайной дипломатической истории XVIII века») [12, с. 23–26, 28, 29, 33–48, 93–94]. Именно в этой работе К. Маркс назвал Древнерусское государство «империей Рюриковичей» и сравнил его с империей Карла Великого. Указывая на невысокий уровень социально-экономического и политического развития восточных славян в IX – первой половине XI в., немецкий философ отводил решающее значение норманнскому завоеванию. При этом быстрый рост территории Киевской Руси объяснялся не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а следствием примитивной организации норманнских завоеваний – вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани. В характере и направлениях внешней политики К. Маркс видел в первых киевских князьях типичных норманнов: «В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы». Между тем подчинить славянские племена норманнам удалось не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения: славянские племена, подвергавшиеся вторжениям и с севера, и с востока, воспользовались первыми в целях защиты от вторых. Саму территорию России норманны-завоеватели рассматривали как стоянку для движения к Византийской империи, к которой их влекла «та же магическая сила, которая влекла других северных варваров к Риму Запада» [12, с. 23]. Данные замечания К. Маркса сделали в связи с ретроспективным обзором внешней политики России, не ставя задачей сколько-нибудь подробное рассмотрение внутренней ситуации, в том числе и особенностей образования Древнерусского государства (в этой связи акцент был сделан только на внешнем факторе). Тем не менее замечания об империи Рюриковичей и вассалитете без ленов были подхвачены советскими историками.

Упразднение М. Н. Покровским империи Рюриковичей явилось одним из важнейших оснований для критики концепции историка в статье Б. Д. Грекова. Советский академик считал неприемлемым отрицание существования государственности восточных славян с IX в. и запоздалое появление классов. По мнению Б. Д. Грекова, Киевское государство, или империя Рюриковичей, – варварское государство, которое сумело подчинить себе огромные пространства с преимущественно восточнославянским населением. Это варварское государство пришло на смену родовому строю [7, с. 70]. В период Киевского государства уже вполне сложилось классовое общество, о чем свидетельствуют «все имеющиеся в нашем распоряжении материалы» [7, с. 75]. Стоявший во главе государства князь «вырос как историческая необходимость» и олицетворял «организованное господство одного класса над другим» [7, с. 88]. Еще до создания Киевского государства на Волхове приблизительно к середине IX в. сформировался некий политический центр. Историк признает вероятным, что во главе этого центра оказался скандинав Рюрик, приглашенный на помощь одной из борющихся сторон «в сложной обстановке рождающегося государства, подобно тому как и позднее варяжские дружины приглашались на помощь борющимися сторонами в том же Новгороде» [7, с. 87]. Категорически не соглашался Б. Д. Греков и с характеристикой древнерусских городов: «...наши города древнего периода имели связь с окружающими их деревнями и селами» и «были не только торговыми пунктами, но и производственными ремесленными центрами». Возникновение же городов необходимо рассматривать как результат внутреннего развития, а не следствие внешнего толчка, движения на юг норманнов, «типичных представителей разбойничьей торговли» [7, с. 76].

Б. Д. Греков был крупнейшей фигурой в советской исторической науке в 1930-е – начале 1950-х гг., проблемы древнерусской истории он начал разрабатывать еще в дореволюционный период [13, с. 600–602]. Концепция социально-экономического и политического развития Древней Руси, сформулированная ученым, стала официальной версией начальной русской истории. Основные положения историка по проблеме образования Древнерусского государства сводились к следующему:

1. Древнерусское государство – «большое раннефеодальное государство» – возникло в результате объединения Новгородской Руси (Славии) и Киевской Руси (Куявии). Это было важное событие в истории Руси, но не начальное.

2. Образование государства – «не внезапное происшествие, а результат длительного общественного процесса». Государство появилось в то время, когда общество уже разделилось на классы, между которыми обострились отношения, и наиболее сильный экономически класс взял власть в свои руки и подчинил себе народную массу.

3. Значительно раньше IX в. в Восточной Европе созрели предпосылки для образования государства. Так, примитивными предшественниками большого общерусского государства с центром в Киеве было несколько политических союзов – дулебский союз, Славия, Куявия, Артания.

4. Летописное предание о призвании трех братьев (варяжских князей) – «ходячая легенда, весьма популярная в XI–XII веках». Она была искусственно приспособлена летописцем к своей политической схеме. Возможно, имел место факт найма одной из борющихся сторон варяжских викингов в качестве вспомогательного отряда. Но это случайное явление не говорит об образовании скандинавами государства. «Русская общественно-политическая жизнь пошла своим чередом без признаков влияний извне».

5. Инициатива объединения северного и южного политических союзов принадлежала Новгороду, который «сумел накопить достаточно сил, чтобы совершить большой поход на юг и занять Киев».

6. Центром Древнерусского государства был избран Киев, поскольку его положение имело ряд преимуществ. Киев был ближе к Византии, «интерес к которой, качественно меняясь, увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов Киевской Руси». Киев был близок и к другим странам, а кроме того, «был удобным центром, откуда можно было держать в своих руках и далекий Новгород» [14, с. 450–454].

7. Формирование древнерусской государственности было связано «не с какими-либо внешними факторами (вроде “прихода” варягов), а с фактами своей собственной внутренней жизни, протекавшей задолго до варягов и независимо от них». Археологические исследования не подтверждают какой-либо норманнской колонизации Руси и в целом нет оснований говорить о сколько-нибудь значительном скандинавском влиянии на Русь. «Скандинавы времен викингов стояли на более низкой стадии общественного и культурного развития, чем восточные славяне». В связи с этим они не могли привнести в Восточную Европу ни более высокую культуру, ни государственность.

8. Укрепление и дальнейший рост Древнерусского государства были связаны с заинтересованностью феодальной знати в существовании сильной великокняжеской власти.

9. Термин «Русь» не скандинавского происхождения, он имеет этнический смысл и обозначает русский народ, который «занял огромные пространства от левых притоков Вислы до Кавказа и далеко к северу по течению Днепра, до Волхова и Ильменя включительно» [15, с. 72, 75, 77, 78–79].

Представленное понимание генезиса Древнерусского государства отражало изменившиеся приоритеты в использовании методологического наследия классиков марксизма-ленинизма. Высказывания К. Маркса из «Тайной дипломатической истории XVIII столетия» были забыты, а основой для осмысления проблемы политогенеза восточных славян становятся работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и В. И. Ленина «О государстве» (лекция, прочитанная лидером большевиков в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова 11 июля 1919 г.). В. И. Ленин особо подчеркивал, что до деления общества на классы не существовало и государства. «Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство». Именно в этой работе, оценивая сущность и значение государства, политик отметил: «Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [16, с. 72, 73]. В связи с этим в 1940–50-е гг. в советской историографии намечается тенденция к удревнению государственности и классового строя у восточных славян [17, с. 24].

Исходя из марксистского тезиса об обеспечении государством интересов господствующего класса, Б. Д. Греков полагал, что древнерусский князь в своей деятельности «осуществлял прежде всего интересы растущего класса бояр» [14, с. 306; 18]. Киевский князь в работах и Б. Д. Грекова, и других советских историков представляется послушным орудием в руках бояр: «Они [бояре] шли вместе со своим вождем, великим князем, потому что иначе в данный период их существования они не могли достигнуть своих целей, т. е. укрепиться в своих позициях. Это для данного момента единственно возможная форма политического господства знати, но в то же время эта могущественная знать являлась и залогом силы князя киевского» [14, с. 306–307]. Пока не наступил период феодальной раздробленности, период усиления независимости магнатов, роста политического значения горожан и ослабления княжеской власти, киевский князь являлся признанным главой государства. «Но это не самодержец. Он представитель правящей знати, признающей над собой власть великого князя в своих собственных интересах, разделяющей с ним власть» [14, с. 307].

Таким образом, на протяжении 1920–30-х гг. произошло переосмысление проблемы образования Древнерусского государства с марксистских позиций. Последовал решительный разрыв с традиционным видением процесса образования первого государства восточных славян. Отдача приоритета в генезисе государственности внутренним факторам логично сблизил советских историков с анти-норманистами XIX в. Однако марксистская парадигма вносила принципиально новые элементы, незнакомые дореволюционным историкам: классовая борьба, классовообразование, базис и надстройка, смена общественно-экономических формаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лынша В. А. Загадка Энгельса // Альтернативные пути к ранней государственности : междунар. симпозиум. Владивосток, 1995. С. 36–58.
2. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учеб. пособие. М., 1999.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. : в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 217–410.
4. Хлезов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.
5. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. 4-е изд. М., 1922. Т. 1.
6. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. 5-е изд., испр. М., 2010.

7. Греков Б. Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского : сб. ст. М. ; Л., 1939. Ч. 1. С. 70–116.
8. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 2-е изд., доп. М. ; Пг., 1923. Ч. 1–2.
9. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
10. Против исторической концепции М. Н. Покровского : сб. ст. М. ; Л., 1939. Ч. 1.
11. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сб. ст. М. ; Л., 1940. Ч. 2.
12. Рязанов Д. Б. Англо-русские отношения в оценке Маркса : Историко-критический этюд. Пг., 1918.
13. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. : учеб. пособие. СПб., 1993.
14. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
15. Греков Б. Д. Образование Древнерусского государства и происхождение термина «Русь» // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. : в 2 ч. М., 1953. Ч. 1. С. 69–79.
16. Ленин В. И. О государстве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 64–84.
17. Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии : учеб. пособие. Ижевск, 2011.
18. Греков Б. Д. Князь и правящая знать в Киевской Руси // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1939. № 32. С. 5–38.

Поступила в редакцию 12.03.2015.

Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ.